

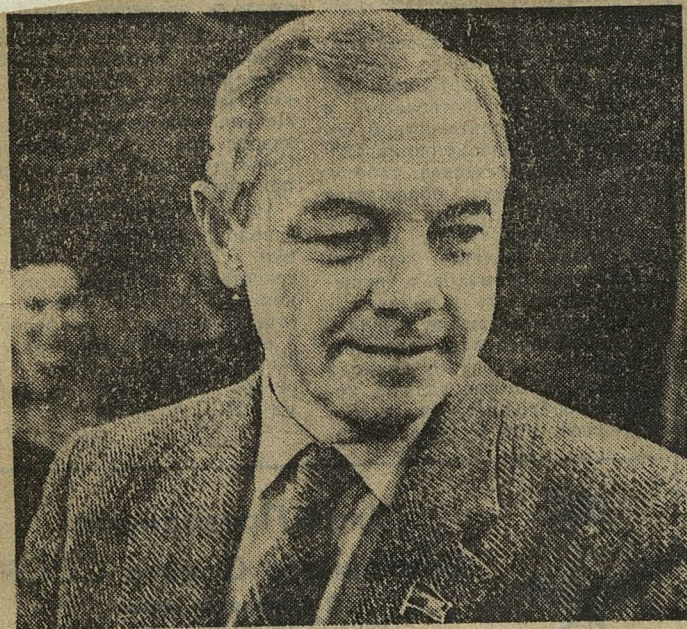
Лавров К.

112

1985/IX
15/IX

Ленинградская Правда
г. Ленинград

15 СЕН 1985

МИНУВШИМ летом мы несколько раз встречались с Кириллом Юрьевичем Лавровым. Однажды — за кулисами, на лестничной площадке, после спектакля «Рядовые», где он с удивительной глубиной прожил жизнь и смерть старшины Дугина. Я говорил ему, что особенно поразили те простота и величие, с которыми он провел сцену гибели Дугина. И напомнив ему, как совершенно иначе, но с тем же необыкновенным знанием человека, живущего на пределе жизненных сил, сыграл он последние мгновения Петра Мелихова в «Угрошении огня», спросил его об истоках такого запредельного проникновения: что это — житейский опыт, наблюдения, догадки?

— Скорее воображение. Ну как сказать?.. Я стараюсь не только представить себе этот миг, но погрузиться в него... А в общем... Может, просто с годами что-то меняется в нас, в нашем ощущении жизни, ее ценности. И каким-то образом это переходит потом в роль. А может быть...

Он не договорил, рассмеялся, скользнувшей мысли.
— Кирилл Юрьевич, устали?
— Устал. Но не жалуюсь.

Это моя жизнь. Другой — не хочу.

— А что было интересного за последнее время?

— Я сейчас из Минска. У меня вообще нынешний год идет под знаком Белоруссии. В театре — «Рядовые» белорусского драматурга Алексея Дударева. С Белорусской киностудии прислали сценарий и предложение сниматься в главной роли — председателя современного колхоза. А сценарий, знаете, как называется? «С юбилеем подождем!» Домашние смеются — «подождем с юбилеем или как?» Уже идут съемки.

— Значит, опять разъездная жизнь: вечером — спектакль, ночь в поезде, день-два съемки, самолет, спектакль?..

— Не совсем. Отыграю спектакли — и на съемки. А в Минске сейчас я был от Комитета по присуждению Государственных премий — смотрел спектакль «Рядовые» в Театре имени Я. Купалы. Его выдвигают на соискание Государственной премии. Познакомился с автором пьесы. Он хоть и молодой, этот Дударев, но чертовски талантлив. Подружились. О многом переговорили. Вместе отправились в Хатынь...

Мы попрощались. Через не-

сколько дней он вылетал вместе с представителями искусства России на празднование Дней советской культуры в ГДР. Я вышел из театра и подумал: вот человек, повседневное бытие которого воплощает собой завет К. С. Станиславского, — актеру необходимо не только изучать жизнь, но и непосредственно соприкасаться с ней во всех ее проявлениях. И еще подумал, что служение искусству и внимание к людям для таких художников нераздельны.

Отзывчивый — в этом суть!

УЖЕ тридцать лет он — один из лидеров сценического ансамбля Ленинградского академического Большого драматического театра имени М. Горького. Сыграно сорок ролей. Те, кто не бывал на спектаклях с участием Лаврова, наверняка видели его хотя бы в одном из тех сорока фильмов, в которых он снялся за минувшие годы. Можно было познакомиться с его творчеством и иначе: он часто появляется на телевизионном экране, в его исполнении звучит по радио русская проза и поэзия.

Популярность Лаврова огромна и измеряется не только художественными результатами. Он не принадлежит к тому типу актеров, чья жизнь ограничена сценой и съемочной площадкой, а маршруты — расстоянием от дома до театра, от театра до киностудии. Кирилл Лавров в полном смысле слова личность общественная.

Коммунист, депутат Верховного Совета СССР двух созывов, член Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР, председатель Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества. При его непосредственном участии немало сделано и

делается в городе.

Удивительно ли, что очередь на прием к Лаврову — депутату от Ленинского избирательного округа — движется, не прерываясь. Актеры же идут к нему со своими бедами и волнениями со всех концов города. Независимо от места жительства. Разумеется, все ходатайства, предложения, просьбы удовлетворить невозможно. И все-таки многие посетители уносят в душе чувство признательности. Дорого ведь и просто внимание. Доброжелательность. Поддержка.

Обаятельный, простой, увлеченный. Лавров любим окружающими. Долгие годы приятели и коллеги не звали его иначе, как попросту — Кира. А вместе с тем, всегда чувствовали в нем характер, способность постоять за справедливость. Нравственное отношение к действительности совершенно естественно выплескивается за рамки сугубо профессиональной деятельности. Люди распознают таких сразу. Потому доверяют. И верят.

При всем демократизме поведения, доброжелательности тона в манере общения Лаврова-человека всегда чувствуешь ту сдержанность, что бесосознательно ассоциируется у нас с понятием «ленинградец».

Говорят, будто все решает человеческое обаяние Лаврова. Это не совсем так. Среди деятелей искусства велик и его профессиональный и моральный авторитет. Принципиальная позиция в жизни, в искусстве чувствуется всеми. К нему прислушиваются. Его слово весомо. Суждения — компетентны. Коллеги по общественной деятельности неоднократно подчеркивали умение Лаврова мгновенно ориентироваться в непростых ситуациях, выхватить в напряженном споре главное, завершить обсуждение лаконичным и конструктивным выводом. Природный ум? Да, ко-

нечно. «Государственная голова?» Возможно. Только пришлось не сразу. И популярность, и любовь зрителей, и авторитет, и уважение — все завоевано жизнью, подтверждено делом, обрело прочность в человеческой биографии.

Люди

ЖИЗНЬ Лаврова — шумный и многоликий человеческий перекресток. Калейдоскоп характеров, сулеб, лиц. Однако есть среди них, как в жизни каждого из нас, лица особые.

В его комнате, над рабочим столиком, два фотопортрета с дарственными надписями. На одном — народный артист СССР К. П. Хохлов, режиссер и педагог. Это он принял в 50-м году под свое крыло молодого человека без высшего образования, поверил в него, а позже пригласил в Ленинград, в возглавляемый им театр на Фонтанке, где Лавров дебютировал в 1955 году. На другом — народный артист СССР Г. А. Товстоногов — два человека, во многом определившие судьбу Лаврова. Это он из способного, обаятельного актера вырастил признанного мастера советского театра.

На другой стене квартиры — большой портрет Константина Симонова, художника, чье слово и судьба оказали мощное духовное воздействие на актера. С именем Константина Михайловича связано несколько важных событий в жизни Лаврова: «крещение» театром произошло в пьесе К. Симонова «Русский вопрос», где Лавров сыграл роль Боба Мэрфи (это еще в армейской самодеятельности); поступая в профессиональный театр, он читал стихи К. Симонова; в спектакле БДТ «Четвертый» незабываемо ярко сыграл Чарльза Говарда; Симонов приехал на премьеру своей пьесы, увидел Лаврова и

предложил ему сниматься в двухсерийной картине «Живые и мертвые».

Отношения их постепенно переросли в дружбу. Она длилась до самой смерти писателя. На полках домашней библиотеки Лаврова стоят книги, подписанные и подаренные автором. По радио звучат произведения Симонова, исполненные и записанные актером.

Еще одна фотография — Лавров вместе с матерью и дочерью С. П. Королева. Этот сюжет связан с работой над образом Андрея Башкирцева в фильме Д. Храбровицкого «Угрошение огня». Прототип образа, главный конструктор, академик Королев, изучался актером в беседах с теми, кто видел Сергея Павловича ежедневно; работал с ним годами, и, конечно, с его близкими. Облик Королева, его мощь, одержимость, способность жить будущим захватила артиста.

Ничего нет важнее

ОБЩЕСТВЕННАЯ деятельность, признавался он, конечно, отнимает уйму времени. Но и компенсирует его посвоему. Стремительно обогащается жизненный опыт. Постоянно ощущаешь свою нужность людям. Без всего этого, как и без новых работ, нет ни творчества, ни человеческого счастья.

Лавров с уважением относится к выношенности, выстраданности труда. Не любит что-то делать «с кондачка». К ответственным выступлениям — перед зрителями, в Верховном Совете СССР, на правлении ВТО, в печати — готовится тщательно.

Он научился ценить время. Темп существования сделал его человеком организованным. День забит до отказа. Современный актер, полагает Лавров, «должен многое знать,

понимать процессы, которые происходят в обществе, распознавать движения человеческой души. Без этого он не артист». И тем пристальней его взгляд на жизнь собственной страны, тем острее суждения о современниках своих середины 80-х годов.

Что здесь беспокоит его? То, что еще совсем недавно вызывало однозначно восторженную оценку, — стопроцентная отдача человека делу. Когда жизнь расплывается и идет, как локомотив, по графику. Жесткость и непререкаемость графика оборачиваются существенными потерями по части человеческой. Чего здесь хочется ему? В одном из интервью он сказал: «Большой душевной тонкости, так я бы это определил. Чтобы... не пропадали точность восприятия, способность к состраданию, сопереживанию... Мне кажется, это очень важно».

Современный художник — всегда на острие идеологических и политических бурь века. Он не может не думать о роли артиста, театра, вообще искусства в наши дни. Он ощущает недостаточность только профессионального мышления. Он хочет говорить без грима. И от первого лица.

— Ничего нет важнее мира! И отстаивать его — наш долг! Именно этому посвятил я свое выступление на восьмой сессии Верховного Совета СССР как гражданина той страны, где пропаганда войны поставлена вне закона, я испытываю душевную потребность обратиться с таким призывом к художественной интеллигенции всех стран...

Лавров последовательно развернул перед нами концепцию активной личности. На фундаменте больших традиций. Современными средствами актерской выразительности. Он воплотил ее не только в творчестве — в собственной жизни. Органическое единство убеждений и действий, теоретической концепции и практики, — в этой целостности заключено редкое своеобразие судьбы Лаврова, его особое место в театре и кино, в современной художественной культуре.

Э. ЯСНЕЦ,
кандидат искусствоведения